

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

по делу № 2019-01-01

Рига, 5 декабря 2019 года

Конституционный суд в следующем составе: председатель судебного заседания Инета Зиемеле, судьи Санита Осипова, Алдис Лавиньш, Гунарс Кусиньш, Дайга Резевска, Янис Нейманис и Артурс Кучс,

по заявлению Верховного суда,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 9 части первой статьи 17, статей 19¹ и 28¹ Закона о Конституционном суде,

в письменном процессе в судебном заседании 5 ноября 2019 года рассмотрел дело

«О соответствии пункта 1 части четвертой статьи 163 Гражданского закона статьям 96 и 110 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Верховный совет Латвийской Республики (далее – Верховный совет) 14 января 1992 года принял закон «О Гражданском законе Латвийской Республики от 1937 года», согласно которому восстанавливался в силе Гражданский закон Латвийской Республики от 1937 года (далее – Гражданский закон). В особых законах были определены время и порядок

вступления в силу отдельных частей Гражданского закона. Верховный совет 25 мая 1993 года принял закон «О сроке и порядке вступления в силу раздела о семейном праве Гражданского закона Латвийской Республики от 1937 года», которым определил, что этот закон и раздел о семейном праве Гражданского закона вступает в силу 1 сентября 1993 года.

Статья 163 Гражданского закона в редакции, которая вступила в силу 1 сентября 1993 года, предусматривала: «Адопатор [*adoptētājs*] должен быть дееспособным лицом в возрасте не менее двадцати пяти лет и по меньшей мере на восемнадцать лет старше adoptируемого [*adoptējamais*]».

Принятым Сазимой законом от 29 ноября 2012 года «Поправки к Гражданскому закону», который вступил в силу 1 января 2013 года, статья 163 Гражданского закона была изложена в следующей редакции:

«Адопатору должно быть по меньшей мере двадцать пять лет и он должен быть по меньшей мере на восемнадцать лет старше adoptируемого.

Положение о минимальном возрасте adoptатора и допустимой разнице в возрасте между adoptатором и adoptируемым может не соблюдаться, если adoptируется ребенок супруга. Однако также и в этом случае adoptатору должен быть по меньшей мере двадцать один год.

Установленные в части первой настоящей статьи ограничения могут не соблюдаться, если между adoptатором и adoptируемым сложились действительные отношения родителя и ребенка.

Адопатором не может быть лицо:

1) которое было судимо за умышленные преступления, связанные с насилием или угрозой насилием, – независимо от погашения или снятия судимости;

2) которое было судимо за преступления против нравственности и половой неприкосновенности, – независимо от погашения или снятия судимости;

3) которое было отстранено от исполнения обязанностей опекуна [*aizbildnis*] по причине их недобросовестного исполнения;

4) которое было лишено статуса приемной семьи [*audžuģimene*] или принимающей семьи [*viesģimene*], поскольку не исполняло соответствующие обязанности согласно интересам ребенка;

5) которое по решению суда было лишено права попечения [*aizgādība*];

б) к которому суд применил определенные в Уголовном законе меры принуждения медицинского характера за совершенное в невменяемом состоянии преступление, предусмотренное в Уголовном законе.

Чтобы констатировать пригодность для адаптации, сиротский суд в соответствии с установленным Кабинетом министров порядком адаптации проводит изучение семьи adoptора на протяжении не более шести месяцев».

Сайма 29 октября 2015 года приняла закон «Поправки к Гражданскому закону», который вступил в силу 3 декабря 2015 года. Статьей 2 этого закона из пункта 1 части четвертой статьи 163 Гражданского закона (далее – оспариваемая норма) было исключено слово «умышленные».

С 3 декабря 2015 года оспариваемая норма не подвергалась изменениям и действует в следующей редакции: «Адоптатором не может быть лицо: 1) которое было судимо за преступления, связанные с насилием или угрозой насилием, – независимо от погашения или снятия судимости;».

2. Заявитель – Верховный суд (далее – Заявитель) – считает, что оспариваемая норма не соответствует статьям 96 и 110 Конституции Латвийской Республики.

В рассмотрении у Заявителя находится административное дело, возбужденное на основании поданного лицом заявления об издании благоприятного нормативного акта, которым бы упомянутое лицо было признано adoptатором ребенка своей супруги. Лицо, являющееся подателем заявления в рассматриваемом Заявителем административном деле, ведет совместное хозяйство со своей супругой и ее детьми уже более

десяти лет. Податель заявления участвует в ежедневном уходе и надзоре за детьми своей супруги с их младенчества наравне с их матерью. Дети называют подателя заявления отцом и воспринимают его как такового. Таким образом, между подателем заявления и детьми существуют фактические семейные отношения. Однако сиротский суд на основании оспариваемой нормы отказался признать подателя заявления адоптатором детей его супруги, поскольку податель заявления был судим за преступления, связанные с насилием или угрозой насилием.

По мнению Заявителя, используемое в Конституции понятие «семейная жизнь» распространяется также на супругов и несовершеннолетних детей одного из супругов, которые проживают в совместном хозяйстве, и защитой предусмотренных статьей 110 Конституции прав пользуется также и фактическая семья, в которой отношения родителей и детей сложились в результате совместной жизни взрослого и детей и основаны на взаимном уважении и любви. Несмотря на то, что статьи 96 и 110 Конституции не гарантируют право адоптировать, лицо все же имеет право претендовать на статус адоптатора, обратившись в компетентное учреждение с просьбой оценить его соответствие предусмотренным в законе критериям. Если предусмотренные в законе критерии не позволяют какому-либо лицу стать адоптатором, то право этого лица претендовать на статус адоптатора является ограниченным. В свою очередь, если учреждение отказывается присвоить статус адоптатора лицу, у которого с потенциальными адоптируемыми уже имеются долгие фактические семейные связи, входящие в сферу, защищаемую статьями 96 и 110 Конституции, а также статьей 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция о правах человека), то посредством непредоставления статуса адоптатора – который является предпосылкой к последующему процессу адоптации – ограничивается право лица на семейную жизнь. Таким образом, для лица, являющегося подателем заявления в находящемся на рассмотрении у Заявителя

административном деле, ограничены права, вытекающие из статей 96 и 110 Конституции.

Содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав – запрет на то, чтобы быть адоптатором, – установлено законом. Оспариваемая норма принята, обнародована и публично доступна в соответствии с требованиями нормативных актов. Лицо может понять содержание вытекающих из оспариваемой нормы прав и предвидеть последствия ее применения. Законодатель, принимая оспариваемую норму, стремился предотвратить угрозу безопасности ребенка. Такой подход законодателя нацелен на защиту интересов и прав детей, что согласуется с предусмотренной в статье 116 Конституции легитимной целью – защищать права других лиц. В общем при помощи подобранного законодателем средства – запрета – может достигаться легитимная цель, состоящая в защите прав других лиц, в частности безопасности детей. Однако легитимной цели можно достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права лица.

Содержащийся в оспариваемой норме запрет является абсолютным. Оспариваемая норма четко сформулирована и исключает какую-либо возможность оценить конкретный случай. Это ограничение относится к преступлениям конкретного вида, никакие исключения из него не допустимы, оно действует на протяжении неограниченного срока, и, таким образом, его следует признать абсолютным. Кроме того, сомнительно то, что процедура установления такого запрета соответствовала принципу хорошего законодательства.

Законодатель обосновывает содержащееся в оспариваемой норме регулирование необходимостью установления для адоптаторов таких же критериев, какие установлены в нормативных актах, в целом направленных на укрепление безопасности ребенка, для лиц, работающих с детьми, в том числе педагогов. Таким образом, законодатель формально обосновал необходимость установления запрета на то, чтобы стать адоптатором, для лиц, которые были судимы за совершение преступлений конкретного вида.

Однако законодатель, следуя принципу хорошего законодательства, должен был представить обоснование того, что адоптаторы, к которым он относит те же требования, что и к педагогам, работающим с детьми, находятся в одинаковых и сопоставимых условиях с этими педагогами. Кроме того, из материалов по разработке оспариваемой нормы невозможно получить подтверждение тому, что законодатель оценил, действительно ли в каждом случае, когда преступление было связано с насилием или угрозой насилием, запрет на то, чтобы стать адоптатором, является обоснованным. Законодатель также не учел то, что в связи с адаптацией возможны разнообразные различные ситуации. А именно, лицо может адоптировать ребенка из какого-либо учреждения внесемейного воспитания или адоптировать своего подопечного, или адоптировать ребенка, помещенного в его семью как приемную семью, или же, как в конкретном случае, адоптировать ребенка своего супруга, с которым оно долгое время проживает вместе.

Законодатель не обосновал то, что если бы были предусмотрены исключения из содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета, то легитимная цель ограничения основных прав не достигалась бы на равноценном качественном уровне. Иными словами, не обосновано то, что абсолютный запрет является единственным средством, при помощи которого можно достигнуть легитимной цели. Однако возможность оценить, может ли стать адоптатором лицо, которое было судимо за насильственное преступление, позволяла бы достигать легитимной цели ограничения основных прав – защищать права других лиц – на том же качественном уровне, на каком она достигается сейчас. Менее ограничительным средством можно считать также установление конкретного срока, который должен пройти после совершения преступного деяния и по окончании которого лицо может стать адоптатором. Таким образом, содержащийся в оспариваемой норме запрет не отвечает принципу соразмерности.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Саэйма – считает, что оспариваемая норма соответствует статьям 96 и 110 Конституции.

Соответствие оспариваемой нормы статьям 96 и 110 Конституции следует оценивать, рассматривая эти статьи во взаимосвязи. Семья может существовать также между лицами, чьи отношения не скреплены биологическими или юридически признанными связями. Между лицом, являющимся подателем заявления в административном деле, находящемся на рассмотрении у Заявителя, и детьми его супруги могут иметься сложившиеся семейные отношения, защита которых является обязанностью государства согласно статьям 96 и 110 Конституции. В определенных случаях оспариваемая норма может ограничивать закрепленные в статьях 96 и 110 Конституции права на частную и семейную жизнь, а также на защиту семьи.

На государстве лежит вытекающая из международного права обязанность обеспечить то, что в процессе адаптации наиболее важными будут интересы ребенка. Государство также обязано защищать детей от насилия и не допускать адаптацию в случаях, когда существует риск, что адаптатор может проявить насилие по отношению к ребенку. Законодатель, приняв оспариваемую норму, признал, что интересам ребенка не отвечала бы ситуация, в которой адаптатором становится лицо, ранее судимое за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием. Таким образом, законодатель принял оспариваемую норму с целью обеспечить соблюдение интересов детей, и легитимной целью содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав является защита прав других лиц.

Содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав пригодно для достижения легитимной цели. Оспариваемая норма не допускает того, чтобы адаптаторами могли становиться лица, которые ранее проявляли насилие и совершали преступления, напрямую или через угрозы связанные с насилием по отношению к другому лицу.

Подобранное законодателем средство следует признать наиболее эффективным, и иными средствами, в том числе при помощи указанной Заявителем оценки, легитимной цели содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав невозможно достигнуть на том же качественном уровне. Определив категории преступлений, в связи с совершением которых осужденным за них лицам не может быть предоставлено право претендовать на статус адоптатора, законодатель уже сделал выбор в пользу наиболее щадящего средства ограничения прав лица. В вопросах адоптации законодатель имеет широкую свободу действий. Оспариваемая норма не предусматривает общее ограничение, которое не позволяло бы ранее судимым лицам претендовать на право адоптировать, а устанавливает конкретный критерий лишения такого права – насилие или угроза насилием при совершении преступного деяния. Ущерб, который посредством содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав наносится лицу, намного меньше пользы, получаемой обществом от того, что дети защищены от возможного насилия в семье.

Государство не запрещает лицу, являющемуся подателем заявления в административном деле, которое находится на рассмотрении у Заявителя, ни жить вместе с детьми своей супруги, ни строить с ними семейные отношения. Оспариваемая норма также никоим образом не ослабляет взаимную связь между ним и детьми его супруги и не запрещает им полноценно реализовывать семейную жизнь. Таким образом, содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав является соразмерным.

4. Приглашенное лицо – Министерство юстиции – считает, что оспариваемая норма соответствует статьям 96 и 110 Конституции.

Содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав установлено законом, имеет легитимную цель – защищать как

демократическое государственное устройство, так и права детей, – и является необходимым и соразмерным.

Оспариваемая норма затрагивает права детей косвенно, поскольку она относится к адоптатору. Права и правовые интересы ребенка затрагиваются в той мере, в какой лицу, не соответствующему установленным в оспариваемой норме критериям, запрещено становиться адоптатором и адоптировать ребенка. Для лица, в отношении которого в оспариваемой норме установлен запрет на то, чтобы стать адоптатором, юридические последствия судимости продолжаются даже в случае, если судимость погашена или снята. Совершенное лицом преступление, связанное с насилием или угрозой насилием, то есть с конкретным действием, которое проявляется как насильственное ущемление прав других лиц, характеризует это лицо. В латвийской правовой системе последовательно соблюдается тот принцип, что лицо, которое было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, должно считаться с разного рода ограничениями не только в вопросах ухода за детьми и попечения над ними, но и в отношении прав на занятие определенных должностей.

Право ребенка быть огражденным от насилия и, таким образом, также его право получать соответствующие его возрасту и зрелости уход и воспитание превалируют над правом ребенка расти в семейной среде. Семья сама по себе не гарантирует то, что ребенок будет расти в безопасной и свободной от насилия среде. В свою очередь, адоптация ребенка также и в случае, когда адоптатором является супруг его родителя, не может являться самоцелью, поскольку в каждом случае решение принимается с учетом принципа приоритета прав и интересов ребенка.

Кроме того, нужно учитывать, что ребенок имеет право сохранять свою идентичность. Понятие идентичности содержит в себе понимание того, к каким лицам и группам лиц ребенок ощущает свою принадлежность. Таким образом, при анализе того, отвечает ли адоптация детей одного из супругов интересам ребенка, в контексте приоритетности

прав ребенка особое внимание следует уделять также тому, есть ли у ребенка второй родитель и, если есть, каковы фактические отношения между ребенком и этим родителем.

5. Приглашенное лицо – Министерство благосостояния – присоединяется к мнению, изложенному в письменном ответе Сазймы, и считает, что оспариваемая норма соответствует статьям 96 и 110 Конституции.

В процессе адаптации важнейшими являются наилучшие интересы ребенка. Никакие иные интересы – ни экономические, ни политические, ни интересы государственной безопасности, ни интересы адаптирующихся – не являются ни более важными, чем интересы ребенка, ни равноценными им. Государство в контексте адаптации обязано осуществлять все необходимые, в том числе превентивные, действия по предотвращению ситуаций, в которых жизнь ребенка после адаптации становится не лучше, а хуже.

Независимо от того, адаптируется ли ребенок, находившийся в учреждении внесемейного воспитания, или ребенок второго супруга, последствия адаптации одни и те же – устанавливаются отношения детей и родителей. По этой причине в правовом регулировании установлены одинаковые критерии для признания лица адаптатором и не предусмотрено никаких исключений. Кроме того, по причине императивного характера оспариваемой нормы не подлежит оценке то, когда лицо совершило преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, – в раннем возрасте или в более поздние годы. Интерес ребенка, заключающийся в том, чтобы вырасти в безопасной среде, выше желания взрослого адаптировать конкретного ребенка.

6. Приглашенное лицо – омбудсмен – считает, что оспариваемая норма не соответствует статьям 96 и 110 Конституции.

Оспариваемая норма является абсолютным препятствием к тому, чтобы лица, ранее судимые за преступления, связанные с насилием или угрозой насилием, становились adoptatorами. В этом контексте определенное в статье 96 Конституции право на неприкосновенность частной жизни и предусмотренное статьей 110 Конституции право на защиту прав семьи, родителей и детей взаимосвязаны, и поэтому их следует рассматривать в их взаимосвязи.

Разрабатывая поправки к Гражданскому закону, которыми среди прочего была введена оспариваемая норма, законодатель не оценивал то, что в связи с адаптацией возможны разнообразные различные ситуации в зависимости от предыдущих взаимоотношений между потенциальным adoptatorом и ребенком. Перед принятием оспариваемой нормы также не анализировалось то, действительно ли необходимо установление такого абсолютного запрета без какой-либо возможности его пересмотреть. Однако констатируемые недостатки законодательного процесса не являются настолько существенными, чтобы можно было утверждать, что соответствующее ограничение не было установлено в соответствии с законом.

Оспариваемая норма имеет легитимную цель – защищать ребенка от всех видов насилия в семье. Эта цель может достигаться, если ранее судимое за преступление насильственного характера лицо желает adoptировать ребенка, с которым оно не живет вместе. Однако легитимная цель не достигается посредством оспариваемой нормы в случае, когда судимое за насильственное преступление лицо является супругом родителя ребенка, поскольку вне зависимости от его возможности adoptировать ребенка ребенок все равно живет вместе с ранее судимым лицом. Посредством оспариваемой нормы невозможно обеспечить то, что ребенок после адаптации не окажется в контакте с лицом, которое ранее было судимо за насильственное преступное деяние. Если не констатируется риск, что такое лицо снова может действовать насильственным образом, то

установленное оспариваемой нормой ограничение своей легитимной цели не достигает и такой запрет ограничивает право ребенка вырасти в семье.

Установленное оспариваемой нормой ограничение основных прав является несоразмерным, поскольку его легитимной цели можно достигнуть другими, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы индивида средствами. Государство обязано превентивно защищать детей от насилия в семье и не допускать адаптацию в случае, если существует риск, что адоптатор будет проявлять насилие по отношению к ребенку, однако превентивные меры должны быть необходимыми и целенаправленными. Тот факт, что лицо было судимо за преступление, связанное с насилием, сам по себе не может быть основанием для абсолютного запрета на адаптацию. Целесообразность такого запрета после погашения или снятия судимости нужно тщательно оценить во взаимосвязи со всеми прочими материалами дела, в том числе с заключением психиатра о состоянии психического здоровья лица и заключением психолога о пригодности лица к выполнению обязанностей адоптатора.

7. Приглашенное лицо – Государственная инспекция по защите прав детей – указывает, что необходимо оценить соразмерность установленного в оспариваемой норме ограничения основных прав и возможность предусмотреть в этой правовой норме такие средства, которые будут в меньшей степени ограничивать права лица, но хотя бы на том же качественном уровне обеспечивать защиту ребенка от насилия.

Цель оспариваемой нормы – оградить ребенка от возможного насилия со стороны адоптатора. Согласно положениям международных и национальных нормативных актов, для детей предусмотрена особая защита, и именно права и интересы ребенка в любом государстве должны быть приоритетом. Кроме того, согласно статьям 96 и 110 Конституции, государство обязано защищать и поддерживать также и фактическую

семью. Таким образом, обстоятельства могут различаться для каждого случая адаптации, и их следует рассматривать индивидуально.

8. Приглашенное лицо – Рижский сиротский суд – считает, что соответствие оспариваемой нормы статьям 96 и 110 Конституции нельзя оценить однозначно.

С одной стороны, оспариваемая норма является существенной и необходимой, поскольку она служит для защиты детей, оставшихся без попечения родителей, но, с другой стороны, в отношении адаптации ребенка второго супруга она становится непреодолимым юридическим препятствием, к тому же создавая неравенство между детьми второго супруга и общим ребенком обоих супругов, если таковой имеется. Существующее на настоящий момент правовое регулирование в целом нуждается в пересмотре и усовершенствовании с той целью, чтобы отделить адаптацию ребенка второго супруга от адаптации детей, которые остались без попечения родителей.

Дело, находящееся на рассмотрении у Заявителя, является единственным случаем, когда Рижский сиротский суд применил оспариваемую норму. Она была применена как императивная правовая норма. Оценивая то, связано ли преступление, совершенное подателем заявления по упомянутому делу, с насилием или угрозой насилием, Рижский сиротский суд учитывал судебное решение, вступившее в законную силу, и указанные в нем факты.

9. Приглашенное лицо – Объединение самоуправлений Латвии – считает, что оспариваемая норма важна и необходима, поскольку она не допускает, чтобы адаптаторами могли стать лица, которые ранее проявляли насилие и совершали преступления, напрямую или через угрозы связанные с насилием. Однако фактические обстоятельства могут быть различными для каждого конкретного случая, поэтому может быть необходимо взвесить, не следует ли допустить те или иные исключения.

10. Приглашенное лицо – товарищество «Латвийская Ассоциация работников сиротских судов» – считает, что существующее правовое регулирование в общем нуждается в пересмотре и усовершенствовании с той целью, чтобы отделить адоптацию ребенка второго супруга от адоптации детей, которые остались без попечения родителей.

Сиротские суды, подготавливая материалы любого дела об адоптации, запрашивают сведения из Реестра наказаний и, в случае если претендующее на статус адоптатора лицо было судимо, оценивают соответствие конкретного преступного деяния предусмотренным в оспариваемой норме критериям. В этом процессе преступлениями, связанными с насилием или угрозой насилием, считаются преступные деяния, содержащиеся в главе XII «Причинение смерти», XIII «Преступные деяния против здоровья», XVI «Преступные деяния против нравственности и половой неприкосновенности», XVII «Преступные деяния против семьи и несовершеннолетних», а также в отдельных статьях главы XX «Преступные деяния против общей безопасности и общественного порядка», например, в статье 231 «Хулиганство», Уголовного закона. Если лицо было судимо за преступление, связанное с насилием или угрозой насилием, то сиротский суд в соответствии с оспариваемой нормой принимает решение о несоответствии этого лица статусу адоптатора.

11. Приглашенное лицо – профессор Юридического факультета Латвийского Университета *Dr. iur.* Валентия Лихолая – указывает, что легитимной цели содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав можно достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права лица.

Установленный оспариваемой нормой запрет на то, чтобы быть адоптатором, отнесен ко всем лицам, которые были судимы за любые

преступные деяния, то есть уголовные нарушения, менее тяжкие, тяжкие или особо тяжкие преступления, которые были связаны с насилием или угрозой насилием. Физическое насилие является преступной угрозой физической безопасности человека. В свою очередь, эмоциональное насилие угрожает психическому благополучию, психическому спокойствию человека, под которыми понимается состояние душевного равновесия и позитивная эмоциональность.

Из международных документов о правах человека, а также из статей 96 и 110 Конституции вытекает, что термины «семья» и «семейная жизнь» следует интерпретировать шире и относить не только к семье, в основе которой лежит брак, но и к фактическим семьям, то есть к супругам и несовершеннолетним детям одного из супругов, которые живут в совместном хозяйстве, или к семьям, в которых отношения родителей и детей сложились в результате адаптации. Государство обязано такие семьи защищать. Однако определенные в статьях 96 и 110 Конституции права можно ограничивать, и такое ограничение в отношении адаптации предусмотрено в оспариваемой норме.

Легитимная цель содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав – защищать права других лиц. Подобранное законодателем средство, то есть запрет, в общем служит легитимной цели – не допустить ситуацию, в которой лица, судимые за насильственные деяния, адаптируют детей, и таким образом предотвратить потенциальные угрозы безопасности адаптируемых. Однако необходимо взвесить, нельзя ли достигнуть легитимной цели на том же качественном уровне при помощи средств, в меньшей степени ограничивающих права индивида.

Во-первых, оспариваемая норма исключает какую-либо оценку совершенного лицом преступного деяния, кроме указания на его связь с насилием или угрозой насилием. Однако случаи применения реального физического насилия и угрозы насилием могут различаться по степени вредоносности, и потерпевшим от преступного деяния может быть как совершеннолетнее, так и несовершеннолетнее лицо. Кроме того, запрет

относится к преступным деяниям, которые предусмотрены как в Уголовном законе, так и в действовавшем в свое время Уголовном кодексе Латвийской Советской Социалистической Республики. С ходом времени изменилась политика как уголовного права, так и уголовных наказаний, в составы различных преступных деяний внесены бесчисленные изменения и поправки, и среди прочего полностью или частично декриминализованы отдельные преступные деяния. Изменились также и теоретические выводы и заключения и интерпретации признаков состава преступного деяния.

Во-вторых, предусмотренным в оспариваемой норме абсолютным запретом исключается какая-либо возможность оценить личность человека, который желает стать адоптатором. Бывает так, что лицо, которое совершило, в особенности в ранней молодости, преступное деяние, пусть даже связанное с насилием или угрозой насилием, меняется и становится законопослушным членом общества.

Государство обязано защищать ребенка от насилия, в частности не допускать адаптацию в случаях, когда существует риск, что адоптатор будет проявлять насилие по отношению к ребенку. Однако законодатель, установив абсолютный запрет, фактически презюмировал, что такой риск существует в случае каждого лица, которое однажды – возможно, тоже еще будучи ребенком или находясь в незрелом возрасте – совершило преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием. Таким образом, исключена возможность достижения целей уголовного наказания, в том числе ресоциализации лица и специальной превенции. Кроме того, содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет ограничивает также неотъемлемое право ребенка на семью, в особенности в случае, когда можно констатировать длительное существование фактической семьи.

Абсолютный запрет на то, чтобы быть адоптатором, следовало бы отнести к лицам, которые совершили связанные с насилием или угрозой насилием преступления в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, или же умышленные насильственные

преступные деяния против жизни, здоровья, нравственности и половой неприкосновенности лица в присутствии несовершеннолетнего, вне зависимости от погашения или снятия судимости. Если преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, не было направлено против интересов ребенка, вопрос о возможности ранее судимого лица стать adoptatorом после погашения или снятия судимости или окончания какого-либо иного предусмотренного законом срока в каждом случае следовало бы решать индивидуально. Такое решение дало бы возможность достигать легитимной цели на том же качественном уровне, что и посредством оспариваемой нормы, но более щадящими средствами.

12. Приглашенное лицо – профессор Юридического факультета Латвийского Университета *Dr. iur.* Каспарс Балодис – указывает, что оспариваемая норма соответствует статьям 96 и 110 Конституции.

В оспариваемой норме содержится абсолютный запрет, не позволяющий компетентному учреждению (сиротскому суду) продолжать какую-либо оценку в отношении того, позволить ли лицу adoptировать несовершеннолетнего ребенка.

Правоотношения adoptации, с точки зрения Конституции, первично следует соотносить с понятием «защиты семьи», содержащимся в первом предложении статьи 110 Конституции. Однако желание лица претендовать на обретение статуса adoptатора может рассматриваться также в контексте определенного в статье 96 Конституции права на неприкосновенность частной жизни. Стремление лица adoptировать несовершеннолетнего ребенка и таким образом самореализоваться в сфере формирования семейных отношений можно считать одной из форм проявления его частной автономии.

Предусмотренное в нормативных актах право лица подать заявление о начале процесса adoptации с просьбой оценить его пригодность для статуса adoptатора входит в охват статей 96 и 110 Конституции. Таким образом, предусмотренный в оспариваемой норме запрет следует считать

ограничением основных прав лица в сфере защиты семьи и частной жизни. С учетом схожих признаков в охватах статей 96 и 110 Конституции, есть основание оценивать соответствие оспариваемой нормы одновременно обеим упомянутым статьям Конституции.

Упомянутые в заявлении факты и аргументы не дают уверенности в том, что ограничение определенных в статьях 96 и 110 Конституции основных прав не было установлено законом или было принято поспешно, без соблюдения принципа хорошего законодательства. Можно согласиться с аргументацией Заявителя о легитимной цели установленного оспариваемой нормой ограничения основных прав. А именно, несовершеннолетние дети ограждаются от того, что их смогут adoptировать лица, которые уже однажды были осуждены за преступления, связанные с насилием или угрозой насилием, и, возможно, снова могут проявить насилие, на этот раз – в отношении adoptированного ребенка. Вышеизложенное согласуется с такой легитимной целью, как защита прав других лиц.

Установленное в оспариваемой норме ограничение основных прав отвечает принципу соразмерности. Оно является рациональным, разумным и действенным средством превентивной защиты детей от того, что их смогут adoptировать потенциально склонные к насилию лица, и поэтому его следует признать пригодным для достижения легитимной цели. Кроме того, содержащийся в оспариваемой норме запрет является единственным средством, позволяющим достигать легитимной цели на необходимом качественном уровне. Индивидуальная оценка лиц, судимых за упомянутые в оспариваемой норме преступные деяния, установление максимального срока ограничения или иные средства, которые были бы более щадящими по отношению к упомянутым в оспариваемой норме лицам, не позволяли бы достигать легитимной цели на том же качественном уровне. Общество выигрывает от того, что оспариваемая норма не позволяет становиться adoptаторами лицам, которые были судимы за преступные деяния, связанные с насилием или угрозой

насилием, так как недопустимо даже одного ребенка подвергнуть риску потенциального насилия. В свою очередь, ущерб, наносимый правам упомянутых в оспариваемой норме лиц, то есть запрет на то, чтобы стать adoptatorом и таким образом самореализоваться в сфере частной и семейной жизни, следует признать меньшим, чем получаемая обществом польза.

13. Приглашенное лицо – присяжный адвокат, лектор Юридического факультета Латвийского Университета *Mg. iur.* Кристине Зиле – считает, что оспариваемая норма соответствует статьям 96 и 110 Конституции.

Оспариваемая норма принята ради безопасности детей с учетом наивысшего приоритета – защиты интересов adoptируемых детей. Законодатель стремился предотвратить возможность того, что ребенок после adoptации попадет в среду, где он будет подвергаться насилию и станет зависим от лица, которое, как известно государству, ранее совершило преступление, связанное с насилием или угрозой насилием. Кроме того, нужно принимать во внимание, что латвийское общество чрезмерно толерантно к насилию в семье. Это недопустимо, и государству следует непременно и незамедлительно действовать с целью кардинального исправления ситуации.

Семья означает не только законно заключенный брак или отношения между лицами, скрепленные биологическими или юридически признанными узами. В основе семьи могут лежать родственные связи, однако совместная жизнь пары, совместное хозяйство, устремление к общему будущему, воспитание детей и другие семейные отношения позволяют отнести термин «семья» также и к лицам, живущим в незарегистрированных партнерских отношениях, и таким образом обеспечить всем детям равные права.

Поскольку приоритетными считаются интересы любого adoptируемого ребенка, которые включают в себя также право быть

защищенным даже от малейшей вероятности насилия, следует признать, что содержащееся в оспариваемой норме ограничение соответствует принципу соразмерности. Если оспариваемая норма все же будет признана не соответствующей статьям 96 и 110 Конституции и недействительной, то ситуация без какого-либо регулирования конкретного вопроса не может быть признана правомерной и соответствующей наилучшим интересам ребенка.

14. Государственная служба пробации информирует Конституционный суд, что вид преступного деяния (насильственное или ненасильственное) не является единственным признаком, который может свидетельствовать о риске, что повторно может быть совершено преступление, связанное с насилием или угрозой насилием.

Тот факт, что лицо было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, все же недостаточен для того, чтобы констатировать создаваемую лицом угрозу для общества в долгосрочной перспективе. Чтобы оценить, действительно ли лица, которые были судимы за преступления, связанные с насилием или угрозой насилием, угрожают обществу, необходимо учесть конкретный возбужденный в прошлом уголовный процесс и наличие предыдущих судимостей, возраст судимого лица, а также время, проведенное им в обществе без совершения новых преступных деяний. Риск, что могут быть совершены преступные деяния, связанные с насилием или угрозой насилием, выше в отношении молодых людей, но со временем снижается. Кроме того, в отношении многих судимых лиц, которые за семь-десять лет свободного пребывания в обществе повторно не совершили преступных деяний, уровень этого риска снижается настолько, что риск, создаваемый этими лицами, не превышает риск, который для общества создают ранее не судимые лица.

Часть выводов

15. Заявитель считает, что содержащийся в оспариваемой норме запрет не соответствует Конституции по той причине, что он среди прочего относится к случаям, когда лицо подает заявление на адоптацию ребенка своего супруга, с которым долгое время проживает вместе. В этой ситуации изучение соответствующего лица и семьи может показать, каковы отношения этого лица с ребенком и существуют ли какие-либо обстоятельства, могущие свидетельствовать о возможности в этих отношениях насилия или риска насилия. Кроме того, Заявитель указывает, что в связи с адоптацией возможен ряд различных ситуаций, а именно, лицо может адоптировать ребенка из учреждения заботы о детях, своего подопечного, ребенка, помещенного в его семью как приемную семью, или ребенка своего супруга, с которым уже проживает вместе (*см. заявление, стр. 7 тома 1 материалов дела*).

Из мнений нескольких приглашенных лиц вытекает, что ситуации, когда лицо подает заявление на адоптацию ребенка второго супруга, и когда подается заявление на адоптацию ребенка, находящегося в учреждении заботы о детях, следует различать (*см. мнения омбудсмена, Рижского сиротского суда, Латвийской Ассоциации работников сиротских судов, стр. 45–46, 48 и 83 тома 2 материалов дела*).

Заявитель считает, что в случаях, когда лицо подает заявление на адоптацию ребенка второго супруга, с которым оно проживает вместе, между этим лицом и ребенком могут иметься сложившиеся отношения ребенка и родителя. Такие отношения между взрослым и ребенком являются фактическими семейными отношениями. Конституционный суд признал, что при рассмотрении дела, которое возбуждено по заявлению суда, он должен принимать во внимание требования Закона о Конституционном суде и ситуацию оценивать в той мере, какая необходима для вынесения решения по конкретному административному делу. Кроме того, Конституционному суду необходимо оценить ситуацию всех тех лиц, которые находятся в обстоятельствах, одинаковых и сопоставимых с обстоятельствами дела, рассматриваемого в суде. В свою

очередь, если оспариваемая в заявлении норма относится к широкой совокупности различных ситуаций, Конституционному суду может быть необходимо уточнить, в какой мере он будет оценивать эту норму (для сравн. см. пункт 9 решения Конституционного суда от 28 марта 2013 года по делу № 2012-15-01 и пункт 19 решения Конституционного суда от 7 июля 2014 года по делу № 2013-17-01).

С учетом приведенных в заявлении аргументов и других материалов дела можно заключить, что основным вопросом в деле является то, соответствуют ли действия государства по включению в оспариваемую норму также и запрета на адаптацию ребенка второго супруга правам на неприкосновенность частной жизни и защиту семьи.

Таким образом, в рассматриваемом деле Конституционный суд оценит соответствие оспариваемой нормы статьям 96 и 110 Конституции в той мере, в какой она относится к лицам, подающим заявление на адаптацию ребенка своего супруга.

16. Если оспаривается соответствие правовой нормы нескольким правовым нормам высшей юридической силы, Конституционный суд, учитывая суть рассматриваемого дела, должен определить наиболее эффективный подход к оценке этого соответствия (см., например, пункт 8 решения Конституционного суда от 18 октября 2018 года по делу № 2017-35-03). Заявитель указывает, что права на защиту семьи в понимании статей 96 и 110 Конституции невозможно четко разграничить (см. заявление, стр. 3 тома 1 материалов дела). Учитывая вышеупомянутое, Конституционный суд, чтобы определить наиболее эффективный подход к оценке соответствия оспариваемой нормы в настоящем деле, прежде всего выяснит охват статей 96 и 110 Конституции.

16.1. Статья 96 Конституции предусматривает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, жилища и корреспонденции.

Конкретизированные в статье 96 Конституции права неразрывно связаны с содержащейся в первом предложении четвертого абзаца

преамбулы Конституции конституционной аксиомой: Латвия как демократическое правовое государство основывается на человеческом достоинстве и свободе. Частная жизнь лица является той сферой экзистенции человека, в которой индивид как разумное существо и высшая ценность демократического правового государства реализует свою свободу. Эта реализация свободы является проявлением личной автономии и самоопределения, которое формирует частную жизнь соответствующего лица.

Как признал Конституционный суд, право на неприкосновенность частной жизни означает, что индивид имеет право на свое частное пространство, право жить по собственному разумению, в соответствии со своей сутью и желаниями развивать и совершенствовать свою личность, право строить и развивать отношения с другими людьми и внешним миром, право идентифицироваться с определенной социальной группой и выстраивать коммуникацию с другими людьми, как можно меньше страдая от вмешательства государства или других лиц (см. пункт 9 решения Конституционного суда от 23 апреля 2009 года по делу № 2008-42-01 и пункт 19 решения Конституционного суда от 17 ноября 2017 года по делу № 2017-01-01).

То, что право на частную жизнь защищает человека как личность, его развитие, право строить и развивать отношения с другими людьми, в частности в эмоциональной сфере, и с внешним миром, признал также и Европейский Суд по правам человека (см. пункт 29 решения Европейского Суда по правам человека от 16 декабря 1992 года по делу „*Niemietz v. Germany*”, заявление № 13710/88, пункт 61 решения Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 2002 года по делу „*Pretty v. the United Kingdom*”, заявление № 2346/02, и пункт 57 решения Европейского Суда по правам человека от 28 января 2003 года по делу „*Peck v. the United Kingdom*”, заявление № 44647/98). Право на частную автономию может охватывать также взаимодействие лица с другими людьми, носящее публичный характер (см. пункты 56 и 57 решения Европейского Суда по

правам человека от 25 сентября 2001 года по делу „P.G. and J.H. v. the United Kingdom”, заявление № 44787/98). Кроме того, оно охватывает право на приватность – право индивида развивать свою социальную идентичность, формируя отношения с другими людьми (см. пункт 70 решения Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 5 сентября 2017 года по делу „Bărbulescu v. Romania”, заявление № 61496/08).

16.2. Статья 110 Конституции предусматривает, что государство защищает и поддерживает брак – союз между мужчиной и женщиной, семью, права родителей и детей. Государство особо помогает детям-инвалидам, детям, оставшимся без попечения родителей или пострадавшим от насилия.

16.2.1. Одним из прав, содержащихся в статье 110 Конституции, является право семьи на особую поддержку и защиту со стороны государства (см. пункт 8 решения Конституционного суда от 4 ноября 2005 года по делу № 2005-09-01). Кроме того, государство должно защищать каждую семью (см. пункт 13 решения Конституционного суда от 27 июня 2016 года по делу № 2015-22-01).

Конституционный суд, конкретизируя первое предложение статьи 110 Конституции во взаимосвязи с нормами международных документов о правах человека и практикой их применения, признал, что государство обязано обеспечивать социальную и экономическую защиту семьи (для сравн. см. пункт 8.2 решения Конституционного суда от 4 ноября 2005 года по делу № 2005-09-01 и пункт 9 решения Конституционного суда от 15 февраля 2018 года по делу № 2017-09-01). Из норм Европейской Социальной хартии вытекает обязанность государства способствовать экономической, социальной, а также юридической защите семьи (для сравн. см. пункт 13.4 решения Конституционного суда от 2 ноября 2006 года по делу № 2006-07-01).

Обязанность государства обеспечить семье юридическую защиту требует наличия такого правового регулирования, которое формирует и

поддерживает правовые рамки существующих в социальной реальности семейных отношений, определяя личные и имущественные отношения между их участниками. Если государство не предусматривает правовых рамок для семейных правоотношений, то невозможно и обеспечить участникам этих правоотношений социальные и экономические права, содержащиеся в статье 110 Конституции. С одной стороны, законодатель имеет широкую свободу действий в отношении соображений, исходя из которых он определяет содержание этих правовых рамок, но, с другой стороны, эта свобода действий не безгранична (*для сравн. см. пункт 15.1 решения Конституционного суда от 18 апреля 2019 года по делу № 2018-16-03*). Созданные законодателем правовые рамки семейных отношений должны соответствовать общим правовым принципам и другим нормам Конституции, международному праву и праву Европейского Союза, а также, в соответствии со вторым предложением пятого абзаца преамбулы Конституции, – быть нацеленными на формирование сплоченного общества.

16.2.2. Из второго и третьего предложений пятого абзаца преамбулы Конституции вытекает то, что семья является основой сплоченного и солидарного общества. Семья – это социальный институт, опирающийся на констатируемые в социальной реальности тесные личные связи, в основе которых лежат понимание и уважение.

Европейский Суд по правам человека также признал: даже при отсутствии биологической связи или юридически признанных отношений ребенка и родителя между ребенком и лицом, которое об этом ребенке заботится, в зависимости от того, живут ли они вместе, от продолжительности и качества их отношений, а также от роли взрослого в отношениях с ребенком могут существовать фактические семейные отношения (*для сравн. см. пункт 48 решения Европейского Суда по правам человека от 22 ноября 2010 года по делу „Moretti and Benedetti v. Italy”, заявление № 16318/07, и пункт 37 решения Европейского суда по правам человека от 17 апреля 2012 года по делу „Kopf and Liberda v. Austria”,*

заявление № 1598/06). Существование тесных личных связей между лицами вытекает из заключенного между ними брака или факта их родства, однако в социальной реальности тесные личные связи возникают также иными путями, например, в результате фактической совместной жизни. Защита семьи, в частности фактической семьи, входит в охват статьи 110 Конституции.

Таким образом, в статье 110 Конституции содержится обязанность государства обеспечить юридическую защиту семьи, среди прочего посредством введения правового регулирования, которое определяет правовые рамки семейных отношений.

16.3. Заявитель по сути считает, что оспариваемая норма не соответствует статьям 96 и 110 Конституции, поскольку содержащийся в ней запрет на то, чтобы стать adoptatorом, лишает фактические семейные отношения, сложившиеся между лицом – подателем заявления в административном деле, находящемся на рассмотрении у Заявителя, и детьми его супруги, юридической защиты в форме adoptions.

16.3.1. Adoption – это правовой институт, состоящий в том, что какое-либо лицо принимает ребенка другого лица как собственного, и создающий такие личные и имущественные права и обязанности, какие создает родство по происхождению (см. мнение *Dr. iur. Kasparca Балодиса*, стр. 60 тома 2 материалов дела). Таким образом, семейные правоотношения могут создаваться также в результате adoptions, поскольку отношения adoptatora и adoptируемого *a priori* приравниваются к отношениям родителя и ребенка. Кроме того, то, проживали ли adoptator и adoptируемый вместе и имеются ли между ними уже сложившиеся тесные связи, не всегда имеет решающее значение (см., например, пункты 143–148 решения Европейского Суда по правам человека от 22 июня 2004 года по делу „*Pini and others v. Romania*”, заявления № 78028/01 и 28030/01, пункт 37 решения Европейского Суда по правам человека от 20 мая 2010 года по делу „*Kurochkin v. Ukraine*”, заявление № 42276/08, и пункт 38 решения Европейского Суда по правам

человека от 14 ноября 2013 года по делу „*Topčić-Rosenberg v. Croatia*”, заявление № 19391/11).

Одновременно необходимо учитывать, что Европейский Суд по правам человека признал, что из статьи 8 Конвенции о правах человека не вытекает право лица усыновить ребенка (см., например, пункты 41–42 решения Европейского Суда по правам человека от 22 января 2008 года по делу „*E. V. v. France*”, заявление № 43546/02, и пункт 141 решения Европейского Суда по правам человека от 24 января 2017 года по делу „*Paradiso and Campanelli v. Italy*”, заявление № 25358/12). В результате адаптации ребенку обеспечивается семья, а не семье – ребенок (см. пункт 42 решения Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2002 года по делу „*Fretté v. France*”, заявление № 36515/97). Конкретизируя нормы Конституции во взаимосвязи с нормами международных документов о правах человека, необходимо обеспечивать взаимную гармонию этих норм. Таким образом, в охват статьи 96 Конституции в аспекте неприкосновенности частной жизни не входит право усыновить конкретного ребенка и в статье 96 Конституции не содержится обязанность государства обеспечить лицу это право.

В связи с этим Конституционный суд приходит к выводу, что оспариваемая норма не создает для лица ущемления содержащегося в статье 96 Конституции права на неприкосновенность частной жизни, поэтому, в соответствии с пунктом 6 части первой статьи 29 Закона о Конституционном суде, судопроизводство по делу в этой части не подлежит продолжению.

16.3.2. Из части второй статьи 8 Конвенции Совета Европы об адаптации детей от 24 апреля 1967 года вытекает, что задача адаптации – обеспечить ребенку стабильную и гармоничную жизненную среду. Государство, насколько это возможно, должно обеспечивать то, что в такой среде ребенок также и вырастет (для сравн. см. пункт 16.2 решения Конституционного суда от 16 мая 2019 года по делу № 2018-21-01). Следовательно, в случаях, когда между ребенком и взрослым уже

сложились фактические семейные отношения, государство должно обеспечить их юридическую защиту таким образом, чтобы после интеграции ребенка в семью эти отношения и в дальнейшем могли развиваться и при этом соблюдались наилучшие интересы ребенка (для сравн. см. пункт 119 решения Европейского Суда по правам человека от 28 июня 2007 года по делу „Wagner and J. M. W. L. v. Luxembourg”, заявление № 76240/01). Такие обязанности государства в аспекте юридической защиты семьи содержатся также в статье 110 Конституции. А именно, государство обязано обеспечивать юридическую защиту семьи, среди прочего путем создания правовых рамок адаптации и, таким образом, определения основ семейных правоотношений. Обеспечение таких правовых рамок является одним из способов, позволяющих законодателю не просто реализовать содержащуюся во втором предложении статьи 110 Конституции обязанность особо помогать оставшимся без попечения родителей детям, но также и обеспечить юридическую поддержку тем семьям, в основе которых лежат фактические семейные отношения между взрослым и ребенком его супруга.

Так как основной вопрос рассматриваемого дела – вопрос о действиях государства по установлению для лица запрета на адаптацию ребенка своего супруга – относится напрямую к содержащейся в статье 110 Конституции обязанности защищать семью, в частности обеспечивать юридическую защиту семьи в сфере адаптации, Конституционный суд оценит, выполнило ли государство эту обязанность.

Таким образом, судопроизводство по делу в части о соответствии оспариваемой нормы статье 96 Конституции подлежит прекращению, и Конституционный суд оценит, выполнило ли государство, приняв оспариваемую норму, свою содержащуюся в статье 110 Конституции обязанность обеспечить юридическую защиту семьи в сфере адаптации.

17. Для того чтобы в рассматриваемом деле оценить, выполнило ли государство возлагаемую на него статьей 110 Конституции обязанность обеспечить юридическую защиту семьи в сфере адоптации, Конституционному суду необходимо проверить: во-первых, принял ли законодатель меры по обеспечению юридической защиты семьи в сфере адоптации; во-вторых, приняты ли эти меры надлежащим образом, то есть, соблюдены ли производные от основной нормы демократического правового государства общие правовые принципы и другие нормы Конституции (*для сравн. см. пункт 14 решения Конституционного суда от 23 ноября 2015 года по делу № 2015-10-01*).

18. Чтобы проверить, принял ли законодатель меры по обеспечению юридической защиты семьи в сфере адоптации, Конституционному суду необходимо выяснить, установил ли законодатель правовое регулирование адоптации и каким именно образом.

18.1. Часть первая статьи 31 Закона о защите прав детей предусматривает: в целях обеспечения семейной среды для развития ребенка поддерживается адоптация. В свою очередь, согласно части второй упомянутой статьи, правовые основы адоптации определены в Гражданском законе, а порядок адоптации – в правилах Кабинета министров.

Из Гражданского закона вытекает, что адоптация – это процесс, в результате которого ребенок (адоптируемый) становится членом семьи достигшего определенного возраста совершеннолетнего лица (адоптатора) и адоптатор приобретает право на реализацию попечения (*см. части первую, вторую и третью статьи 163 и часть первую статьи 172 Гражданского закона*). Адоптированный ребенок и его потомки по отношению к адоптатору и его родственникам приобретают правовое положение ребенка, родившегося в браке, как в личных, так и в имущественных отношениях (*см. часть первую статьи 173 Гражданского закона*). Кроме того, адоптация возможна только тогда, когда она отвечает

интересам ребенка и есть основание считать, что в ее результате между adoptatorом и adoptируемым сложатся действительные отношения детей и родителей (см. статью 162 Гражданского закона). Суть adoptации состоит в установлении отношений родителя и ребенка между adoptatorом и adoptируемым с приобретением adoptируемым правового положения биологического ребенка adoptатора (см. мнение *Dr. iur. Каспарса Балодиса*, стр. 60 тома 2 материалов дела).

18.2. Порядок, в котором осуществляется adoptация детей, определен в правилах Кабинета министров № 667 от 30 октября 2018 года «Порядок adoptации» (далее – Правила № 667). В свою очередь, в то время, когда к подателю заявления в находящемся на рассмотрении у Заявителя административном деле была применена оспариваемая норма, порядок adoptации определялся правилами Кабинета министров № 111 от 11 марта 2003 года «Порядок adoptации» (далее – Правила № 111).

Процесс adoptации начинается с того, что лицо подает заявление в сиротский суд (см. пункт 12 Правил № 111 и пункт 17 Правил № 667). После получения заявления сиротский суд проводит изучение этого лица и его семьи, в рамках которого среди прочего оценивает взаимоотношения членов семьи лица, выясняет условия жизни семьи, а также запрашивает информацию о включенных в Реестр наказаний сведениях об этом лице (см. пункт 18 Правил № 111 и пункты 22 и 23 Правил № 667). По окончании изучения сиротский суд принимает решение о признании лица adoptatorом (см. пункт 20 Правил № 111 и пункт 24 Правил № 667). Если лицо признается adoptatorом, оно может продолжать процесс adoptации и осуществлять уход и надзор за ребенком в течение периода продолжительностью до шести месяцев, в который сиротский суд проводит изучение семьи adoptатора (см. часть вторую статьи 162 Гражданского закона, пункт 31 Правил № 111 и пункты 41 и 46 Правил № 667). По окончании срока ухода сиротский суд обрабатывает результаты изучения семьи, подготавливает заключение о том, отвечает ли принятие в семью adoptатора интересам ребенка, и принимает соответствующее

решение (см. часть пятую статьи 169 Гражданского закона, пункт 32 Правил № 111 и пункт 49 Правил № 667). Если сиротский суд устанавливает, что адаптация отвечает интересам ребенка, он одновременно с решением выдает адаптатору документы ребенка для подачи в суд (см. пункт 34 Правил № 111 и пункт 50 Правил № 667). Адаптация считается состоявшейся, как только суд ее утвердил (см. часть первую статьи 170 Гражданского закона). После утверждения адаптации сиротский суд два года регулярно оценивает надзор и уход за адаптированным ребенком в семье (см. пункт 39 Правил № 111 и пункт 53 Правил № 667).

Конституционный суд приходит к выводу, что в Правилах № 111 и Правилах № 667 содержится схожее правовое регулирование, однако в отношении адаптации ребенка супруга потенциального адаптатора в ситуации, когда ребенок живет в семье потенциального адаптатора, Правила № 667 предусматривают особое правовое регулирование. А именно, сиротский суд, оценивая соответствие потенциального адаптатора, одновременно оценивает взаимоотношения его и адаптируемого ребенка и принимает решение о соответствии адаптации интересам адаптируемого (см. пункт 28 Правил № 667). В таком случае ребенок не передается отдельно для преадаптационного ухода, и сиротский суд может признать лицо адаптатором и констатировать, что адаптация отвечает наилучшим интересам ребенка.

18.3. Оспариваемая норма применяется в процессе адаптации тогда, когда сиротский суд проводит изучение лица и его семьи и среди прочего запрашивает информацию о включенных в Реестр наказаний сведениях о лице. Если сиротский суд получает сведения, что лицо было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, он в соответствии с оспариваемой нормой принимает решение, что лицо не отвечает статусу адаптатора (см. мнение Латвийской Ассоциации работников сиротских судов, стр. 82 тома 2 материалов дела).

Несмотря на то, что оспариваемая норма не позволяет отдельным лицам приобрести статус адоптатора и адоптировать ребенка, Гражданский закон, Закон о защите прав детей и изданные на его основании правила Кабинета министров о порядке адоптации содержат правовое регулирование, предусматривающее для лица возможность адоптировать ребенка своего супруга и определяет взаимные личные и имущественные отношения соответствующего лица и ребенка. Таким образом, законодатель установил правовое регулирование, нацеленное на обеспечение юридической защиты фактических семейных отношений между лицом и ребенком его супруга.

Следовательно, законодатель принял меры по обеспечению юридической защиты семьи в сфере адоптации.

19. Чтобы проверить, надлежащим ли образом законодатель принял меры по обеспечению юридической защиты семьи в сфере адоптации, Конституционный суд проверит, соблюл ли законодатель производные от основной нормы демократического правового государства общие правовые принципы и другие нормы Конституции.

Заявитель ставит под сомнение соответствие оспариваемой нормы принципу соразмерности. Конституционный суд признал, что из основной нормы демократического правового государства вытекает обязанность всех государственных органов в своей работе соблюдать принцип соразмерности. Он общим образом предусматривает, что между действиями государственной власти, ограничивающими права и легитимные интересы лица, и целью, которой государственная власть стремится достигнуть посредством этих действий, должно иметься разумное соотношение (*см. пункт 14.3 решения Конституционного суда от 14 декабря 2018 года по делу № 2018-09-0103*).

19.1. Сазйма указывает, что оспариваемая норма направлена на защиту прав детей. Содержащийся в ней запрет установлен с целью

защитить adoptируемых от насилия в семье (см. письменный ответ Сазймы, стр. 28 тома 1 материалов дела).

Часть первая статьи 19 Конвенции о правах ребенка, принятой Организацией Объединенных Наций 20 ноября 1989 года (далее – Конвенция о правах ребенка), предусматривает, что государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры, чтобы защитить каждого ребенка от физического или психологического насилия, телесных повреждений или жестокого, небрежного или халатного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, во время его нахождения на попечении родителей, опекунов или любого другого ответственного за него лица. Оспариваемая норма является частью упомянутых законодательных мер, которые законодатель принял, чтобы обеспечить защиту детей от насилия (см. письменный ответ Сазймы, стр. 22 тома 1 материалов дела).

Таким образом, цель содержащегося в оспариваемой норме запрета – защита прав детей, то есть других лиц.

19.2. Заявитель не ставит под сомнение то, что целью содержащегося в оспариваемой норме запрета является защита прав детей, но указывает, что этот запрет абсолютен. Имеется в виду, что он действует для соответствующего лица пожизненно и не предусматривает индивидуальную оценку конкретного случая (см. заявление, стр. 5 тома 1 материалов дела). Схожее мнение выражает также ряд приглашенных лиц (см. мнения омбудсмена, Dr. iur. Валентии Лихолаи и Dr. iur. Каспарса Балодиса, стр. 44, 53 и 58 тома 2 материалов дела).

Абсолютные запреты оценивались как Конституционным судом, так и Европейским Судом по правам человека [см., например, решение Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01, а также пункт 82 решения Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу „Hirst (no. 2) v. The United Kingdom”, заявление № 74025/01, и пункт 106 решения Европейского Суда по правам человека

от 22 апреля 2013 года по делу „Animal Defenders International v. The United Kingdom”, заявление № 48876/08]. Конституционный суд признал, что запрет, который относится к каждому лицу определенной группы, не допускает исключений и устанавливается пожизненно, следует считать абсолютным (см. пункт 12.3 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01). Схожим образом, в юриспруденции Европейского Суда по правам человека указано, что правовое регулирование, которое подлежит применению вне зависимости от обстоятельств конкретного случая, носит абсолютный характер (см., например, пункт 89 решения Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 года по делу „Evans v. the United Kingdom”, заявление № 6339/05). Таким образом, из юриспруденции обоих судов вытекает следующее: чтобы констатировать, что содержащийся в правовой норме запрет является абсолютным, необходимо оценить, во-первых, относится ли он ко всем лицам, входящим в определенную группу, то есть предусматривает ли он индивидуальную оценку каждого конкретного случая и, следовательно, допускает исключения, и, во-вторых, установлен ли он на определенный срок или пожизненно.

Содержащийся в оспариваемой норме запрет на то, чтобы стать adopterом, относится к каждому лицу, которое было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием. Он не допускает исключений. Кроме того, этот запрет устанавливается пожизненно – он действует в течение неопределенного срока также и после снятия или погашения судимости. Таким образом, содержащийся в оспариваемой норме запрет является абсолютным.

Из вышеупомянутого вытекает, что законодатель в конкретном случае выполнил возлагаемую на него статьей 110 Конституции обязанность по обеспечению юридической защиты семьи в сфере adoptions и среди прочего установил такое правовое регулирование adoptions, которое содержит предусмотренный в оспариваемой норме абсолютный запрет. Однако по причине строго ограничительного

характера абсолютного запрета решающее значение имеет его соответствие принципу соразмерности.

Таким образом, Конституционный суд оценит, соответствует ли содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет принципу соразмерности.

20. Чтобы оценить, является ли содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет соразмерным, Конституционному суду прежде всего необходимо выяснить, можно ли посредством оспариваемой нормы достигнуть цели содержащегося в ней абсолютного запрета.

Содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет обеспечивает то, что лицо, судимое за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, не сможет стать адоптатором. Заявитель считает, что при помощи этого подобранного законодателем средства в общем можно достигнуть легитимной цели запрета – защитить права детей (*см. заявление, стр. 5 тома 1 материалов дела*). Однако омбудсмен указывает, что содержащийся в оспариваемой норме запрет не достигает своей цели, если лицом, ранее судимым за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, является супруг родителя ребенка, то есть если ребенок проживает вместе с этим лицом, – вне зависимости от того, вправе ли это лицо стать его адоптатором (*см. мнение омбудсмена, стр. 45 тома 2 материалов дела*).

Свою обязанность защищать каждого ребенка от насилия, содержащуюся в статье 110 Конституции и части первой статьи 19 Конвенции о правах ребенка, законодатель выполняет, разрабатывая совокупность комплексных мер. Например, за насилие против ребенка для лица наступает предусмотренная законом ответственность (*см. часть первую статьи 51 Закона о защите прав детей*), каждое лицо обязано сообщать в компетентное учреждение о насилии против ребенка (*см. часть третью статьи 51 Закона о защите прав детей*), ребенка можно разлучить с семьей, если ребенок в этой семье находится под угрозой по

причине насилия (см. пункт 1 части первой статьи 27 Закона о защите прав детей), опекунами или принимающей семьей не могут быть лица, ранее судимые за преступные деяния, связанные с насилием или угрозой насилием (см. пункт 5 статьи 242 Гражданского закона и пункт 1 части 2¹ статьи 45³ Закона о защите прав детей). Содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет является частью упомянутой совокупности мер. Таким образом, оспариваемая норма нацелена на защиту ребенка от насилия.

Кроме того, необходимо принимать во внимание то, что в результате адаптации адаптируемый приобретает статус биологического ребенка адоптатора как в личных, так и в имущественных отношениях, а адоптатор, в свою очередь, приобретает право на реализацию попечения над адаптируемым (см. пункт 18.1 настоящего решения).

Гражданский закон определяет, что попечение [*aizgādība*] – это право и обязанность родителей заботиться о ребенке и его имуществе и представлять ребенка в его личных и имущественных отношениях. Эта забота включает в себя уход и надзор за ребенком и право определять его место жительства. Уход за ребенком означает его содержание, обслуживание, образование и воспитание, а, в свою очередь, надзор за ребенком – заботу о его собственной безопасности и предотвращение угрозы, создаваемой третьим лицом. Это значит, что при наличии правоотношений попечения ребенок имеет право получать заботу от лица, осуществляющего попечение над ним. Это лицо помогает ребенку подготовиться к самостоятельной жизни в обществе и воспитывает его в духе мира, человеческого достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности, способствуя его полноценному развитию (для сравн. см. седьмой абзац преамбулы Конвенции о правах ребенка). Одновременно воспитание ребенка и его подготовка к самостоятельной жизни в обществе включает в себя стремление к тому, чтобы ребенок соблюдал ограничения поведения, соответствующие принятым в обществе социальным нормам. Таким образом, лицо, осуществляющее попечение, может установить

обязательные для ребенка ограничения индивидуальной свободы. Кроме того, согласно части второй статьи 181 Гражданского закона, лицо, осуществляющее попечение, также имеет право и обязанность поддерживать личные отношения и прямые контакты с ребенком.

Содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет не допускает не только того, чтобы лицо, судимое за упомянутое в оспариваемой норме преступное деяние, стало адоптатором, но и того, чтобы оно приобрело право осуществлять попечение над adoptedируемым. Таким образом, содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет не допускает не только того, чтобы ребенок вынужден был подчиняться воспитательным мерам, реализуемым лицом, в отношении которого, на взгляд законодателя, существует риск, что оно может проявлять по отношению к ребенку насилие, но и того, чтобы такое лицо имело право поддерживать личные отношения и прямые контакты с ребенком. Недопущение такой ситуации нацелено на защиту ребенка от насилия и соблюдение прав ребенка.

Таким образом, содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет пригоден для достижения своей цели.

21. В компетенции Конституционного суда выяснить то, взвесил ли законодатель, устанавливая в отношении конкретной группы лиц абсолютный запрет, существование в конкретном случае каких-либо альтернативных средств, которые в меньшей степени затрагивали бы основные права лиц, содержащиеся в Конституции (*для сравн. см. пункт 19 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01*).

Оценивая соразмерность абсолютного запрета, Конституционный суд должен удостовериться также в том, что законодатель:

- 1) обосновал необходимость абсолютного запрета;
- 2) оценил суть абсолютного запрета и последствия его применения;

3) обосновал то, что если бы были предусмотрены исключения из этого абсолютного запрета, то его цель не достигалась бы на равноценном качественном уровне (*для сравн. см. пункт 19 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01*).

22. В обоснование необходимости содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета Сазйма в письменном ответе указывает: определив категории преступных деяний, в связи с которыми осужденным за их совершение лицам не может быть предоставлено право претендовать на статус адоптатора, законодатель уже выбрал наиболее щадящее для прав лица средство достижения цели абсолютного запрета (*см. письменный ответ Сазймы, стр. 28 тома 1 материалов дела*).

Содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет в существующей на настоящий момент редакции был включен в Гражданский закон законом от 29 октября 2015 года «Поправки к Гражданскому закону», который вступил в силу 3 декабря 2015 года. Однако по сути он был включен в Гражданский закон уже законом от 29 ноября 2012 года «Поправки к Гражданскому закону», вступившим в силу 1 января 2013 года. Из аннотации к законопроекту, лежащему в основе упомянутого закона, видно, что соответствующая поправка, то есть включение оспариваемой нормы, была внесена в статью 163 Гражданского закона с целью определения в интересах безопасности ребенка круга лиц, которым нельзя становиться адоптаторами (*см. аннотацию к законопроекту № 386/Lp10 «Поправки к Гражданскому закону», поданному в 10-ю Сазйму 8 июня 2011 года*).

Рассмотрение поданного в 10-ю Сазйму 8 июня 2011 года законопроекта № 386/Lp10 «Поправки к Гражданскому закону» в соответствии с частью второй статьи 39 Регламента Сазймы продолжилось в 11-й Сазйме в рамках оценки законопроекта № 53/Lp10 «Поправки к Гражданскому закону» (*см. стенограмму заседания 11-й Сазймы от 10 ноября 2011 года*). Обсуждение редакции оспариваемой нормы состоялось

на заседании Юридической комиссии 11-й Сээймы 22 февраля 2012 года. Из аудиозаписи упомянутого заседания вытекает, что содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет перенят из статьи 72 Закона о защите прав детей, предусматривающей то, каким лицам нельзя работать в конкретных учреждениях, где находятся дети (*см. в материалах дела аудиозапись заседания Юридической комиссии 11-й Сээймы от 22 февраля 2012 года*).

Необходимость установления абсолютного запрета законодатель обосновал тем, что именно преступные деяния, связанные с насилием или угрозой насилием, могут создать особый риск, которому ребенка нельзя подвергать (*см. также письменный ответ Сээймы, стр. 28 тома 1 материалов дела*).

Таким образом, законодатель обосновал необходимость содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета.

23. Устанавливая абсолютный запрет, законодатель обязан оценить, необходим ли такой запрет в конкретном размере, а также оценить последствия применения этого запрета (*для сравн. см. пункт 19.2 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01*).

23.1. Содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет на получение статуса адоптатора относится к каждому лицу, которое было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием. Кроме того, этот запрет устанавливается пожизненно – он действует в течение неопределенного срока, также и после погашения или снятия судимости.

Приглашенное лицо *Dr. iur.* Валентия Лихолая указывает, что в особенной части Уголовного закона содержится 60 статей, в которых прямо указано на насилие или угрозу насилием как на признак основного состава или квалифицированного состава преступного деяния или же насилие может презюмироваться исходя из диспозитивного содержания соответствующей статьи. Упомянутые преступные деяния могут угрожать

различным интересам, защищаемым Уголовным законом, например, жизни, здоровью, неприкосновенности жилища, личной свободе, половой неприкосновенности, нравственности, собственности, общей безопасности и общественному порядку, порядку управления. Они могут различаться также по классификации, которая определяется, с учетом статьи 7 Уголовного закона, согласно характеру и вредоносности угрозы интересам лица или общества. Кроме того, насилие может проявляться не только как причинение потерпевшему физической боли, но и как активные действия, без причинения физической боли, по ограничению способности потерпевшего к движению или перемещению, связывание потерпевшего или его изолирование в каком-либо закрытом помещении, удержание, толкание, отталкивание или какое-либо иное применение физической силы. Насилие может проявляться также как одурманивание лица или приведение его в бессознательное (беспомощное) состояние посредством наркотических, психотропных, сильнодействующих или иных одурманивающих веществ (*см. мнение Dr. iur. Валентии Лихолаи, стр. 50–57 тома 2 материалов дела*).

Законодатель вправе, соблюдая общие правовые принципы и другие нормы Конституции, а также международное право и право Европейского Союза, к определенным группам общества отнести особое правовое регулирование. Имеется в виду, что законодатель, оценив все условия конкретной сферы права, может установить правовое регулирование, не обеспечивающее абсолютную индивидуализацию и в равной мере относящееся к объективно сопоставимым, хотя и различным случаям (*см., например, пункт 19 решения Конституционного суда от 20 мая 2011 года по делу № 2010-70-01*). Однако при установлении содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета, в основе которого лежит широкий круг преступных деяний и который не ограничен по сроку, законодатель обязан был оценить объем этого запрета и последствия его применения.

В рассматриваемом деле необходимо учитывать то, что в правоотношениях, затрагивающих ребенка, и во всех действиях в отношении ребенка приоритетными являются его права и наилучшие интересы. Законодатель должен следить за тем, чтобы принимаемые нормативные акты защищали законные интересы ребенка наилучшим возможным образом. Кроме того, права и законные интересы ребенка затрагиваются не только тогда, когда требуется принятие решения именно в отношении ребенка, но и тогда, когда решение лишь может быть отнесено к ребенку или косвенно затронуть ребенка. Признание любого другого приоритета без серьезной причины и оправдания недопустимо (см. пункт 16.2 решения Конституционного суда от 16 мая 2019 года по делу № 2018-21-01).

Несмотря на то, что содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет прежде всего относится к лицу, которое претендует на статус адоптатора, он напрямую затрагивает также интересы ребенка, то есть потенциального адоптируемого. Согласно статье 21 Конвенции о правах ребенка, государство обязано обеспечить то, что интересы ребенка в процессе адоптации будут главным соображением. Таким образом, законодатель при оценке сути этого абсолютного запрета обязан был оценить и обосновать также то, что установленный для каждого лица, которое было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, бессрочный запрет на то, чтобы быть адоптатором, во всех случаях отвечает наилучшим интересам ребенка.

Разрабатывая правовое регулирование, которое затрагивает ребенка, законодатель обязан оценить его влияние на права затрагиваемых детей и четко указать, что оно отвечает наилучшим интересам ребенка. В этом аспекте законодатель должен обосновать утверждение, что наилучшие интересы ребенка учтены. А именно, законодатель должен указать:

1) что считается наилучшими интересами ребенка в процессе разработки конкретного правового регулирования;

2) на какие критерии опирается соответствующая оценка интересов ребенка;

3) как наилучшие интересы ребенка оцениваются в сопоставлении с другими соображениями [см.: *UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 14 (2013) on the right of the child to have his or her best interests taken as a primary consideration (art. 3, para. 1), 29 May 2013, CRC /C/GC/14, para. 6c*].

Из материалов по разработке оспариваемой нормы и письменного ответа Саэймы вытекает, что Саэйма, принимая оспариваемую норму, считала, что наилучшими интересами потенциальных adoptируемых является защита от насилия.

То, что, согласно части первой статьи 19 Конвенции о правах ребенка, государство обязано защищать каждого ребенка от насилия и содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет нацелен на выполнение этой обязанности, признает также и Конституционный суд. Одновременно государство, насколько это возможно, должно обеспечивать то, что ребенок вырастет в семейной среде (см. пункт 16.2 решения Конституционного суда от 16 мая 2019 года по делу № 2018-21-01). Кроме того, чтобы обеспечивалось соблюдение наилучших интересов ребенка, этой семье, как предусматривает статья 110 Конституции, необходима юридическая, экономическая и социальная защита со стороны государства. Как право ребенка на защиту от насилия, так и взросление ребенка в семейной среде являются соображениями защиты прав ребенка, которые в равной степени приоритетны и отвечают наилучшим интересам ребенка [для сравн. см.: *UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 14 (2013) on the right of the child to have his or her best interests taken as a primary consideration (art. 3, para. 1), 29 May 2013, CRC /C/GC/14, para. 4*]. В случаях, когда между этими соображениями существует коллизия, их необходимо взаимно уравновесить с целью нахождения решения, отвечающего наилучшим интересам ребенка (см.: *ibid, para. 81*).

Однако из материалов по разработке закона от 29 ноября 2012 года «Поправки к Гражданскому закону» невозможно получить подтверждение тому, что в отношении ситуаций, когда лицо подает заявление на адаптацию ребенка своего супруга, законодатель уравнивал право ребенка на защиту от насилия и его право на взросление в такой семейной среде, которой согласно статье 110 Конституции полагается юридическая, экономическая и социальная защита со стороны государства. Иными словами, невозможно получить подтверждение тому, что законодатель оценил и обосновал то, что также и в случаях, когда лицо подает заявление на адаптацию ребенка своего супруга и между этим лицом и ребенком его супруга уже сложились фактические семейные отношения, содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет на то, чтобы стать адаптатором, отвечает наилучшим интересам ребенка.

Законом от 29 октября 2015 года «Поправки к Гражданскому закону» оспариваемая норма была изложена в действующей на настоящий момент редакции, где из пункта 1 части четвертой статьи 163 Гражданского закона исключено указание на то, что упомянутые в оспариваемой норме преступные деяния совершены умышленно. Однако из материалов по разработке этого законопроекта также невозможно получить подтверждение тому, что законодатель провел соответствующую оценку и обосновал то, что абсолютный запрет во всех случаях отвечает наилучшим интересам ребенка.

23.2. Устанавливая абсолютный запрет, законодатель должен удостовериться в том, что создаваемые этим запретом правовые последствия являются соразмерными (*см. пункт 19.2.2 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01*).

При установлении для ранее судимого лица абсолютного запрета на приобретение статуса адаптатора значение имеет не только сам факт, что лицо было судимо за конкретное преступное деяние, но и характеризующие это лицо критерии – например, отношение лица к совершенному в свое время преступлению, его образ жизни после его

совершения и его фактические отношения с ребенком супруга. Учитывать необходимо также то, что отношение лица к совершенному им самим преступному деянию, а также его система ценностей с ходом времени могут изменяться (см. пункт 19.2.2 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01). Одно лишь то, что лицо некогда было осуждено за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, не всегда является достаточным основанием констатировать, что это лицо угрожает обществу в долгосрочной перспективе. Как свидетельствуют криминологические исследования, за семь-десять лет пребывания в обществе без совершения повторного преступного деяния для большей части судимых лиц риск повторного совершения преступного деяния падает до уровня риска несудимых лиц (см. информацию, предоставленную Государственной службой пробации, стр. 71–72 тома 2 материалов дела). Согласно пункту 5 части второй статьи 35 Уголовного закона, одной из целей наказания является предотвращение совершения преступных деяний. Кроме того, законодатель посредством Уголовного закона, Кодекса Латвии об исполнении наказаний, Закона о Государственной службе пробации и других нормативных актов ввел в правовую систему Латвии систему ресоциализации и пробации осужденных лиц, нацеленную на предотвращение повторных преступных деяний среди прочего посредством содействия коррекции социального поведения осужденных лиц. Существование такой системы уже само по себе означает, что поведение лица с ходом времени может изменяться.

Из материалов по разработке оспариваемой нормы Конституционный суд не получил подтверждения тому, что законодатель оценивал, будут ли интересы ребенка наилучшим возможным образом соблюдаться посредством содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета также и в случаях, когда лицо подает заявление на адоптацию ребенка своего супруга и между этим лицом и ребенком его супруга уже сложились фактические семейные отношения, то есть, что законодатель оценивал необходимость не только защитить детей от

насилия, но и по возможности обеспечить то, что они будут расти в семейной среде. Конституционный суд не получил подтверждения тому, что законодатель оценивал, может ли со временем измениться, и если может, то как именно, поведение лица, которое ранее было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием.

Таким образом, законодатель не удостоверился в соразмерности размера и правовых последствий содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета.

24. Абсолютный запрет допустим, если законодатель обосновал также то, что если будут предусмотрены исключения из этого абсолютного запрета, то его цель не будет достигаться на равноценном качественном уровне. Имеется в виду, что законодатель, устанавливая абсолютный запрет, должен удостовериться в том, что абсолютный запрет является единственным средством, при помощи которого можно достигнуть его цели (*для сравн. см. пункт 19.3 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01*). Только в этом случае законодатель вправе установить абсолютный запрет.

24.1. Конституционному суду необходимо проверить, удостоверился ли законодатель, устанавливая абсолютный запрет для каждого лица, которое было судимо за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, также в том, что исключение из этого запрета не позволяло бы достигать его цели на равноценном качественном уровне.

Конституционный суд уже признал, что исключения из абсолютного запрета могут быть разными, например, это может быть и регулирование, которое в определенных случаях допускает индивидуальную оценку, и точно сформулированные в законе исключения, и регулирование, предусматривающее периодический пересмотр необходимости запрета. Выбор наиболее подходящего решения входит в свободу действий законодателя (*см. пункт 19.3 решения Конституционного суда от 24 ноября 2017 года по делу № 2017-07-01*).

24.2. Заявитель указывает на несколько возможных исключений из содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета, при которых его цели можно было бы достигнуть на равноценном качественном уровне.

Часть пятая статьи 163 Гражданского закона предусматривает: чтобы констатировать пригодность для адаптации, сиротский суд в соответствии с установленным Кабинетом министров порядком адаптации не дольше шести месяцев осуществляет изучение семьи потенциального адаптатора. Сиротский суд в этом процессе проводит изучение потенциального адаптатора и его семьи, которое в случае, если адаптируемый ребенок уже живет в конкретной семье, включает в себя также изучение отношений между этим ребенком и потенциальным адаптатором (см. пункт 18.2 настоящего решения). Кроме того, согласно пунктам 13.6 и 18.3 Правил № 111 и пунктам 17.6, 23.3, 23.4 и 23.7 Правил № 667, сиротский суд в процессе адаптации не только запрашивает информацию о потенциальном адаптаторе из Реестра наказаний, но и использует документы, выданные семейным врачом, психологом, психиатром и наркологом, которые среди прочего свидетельствуют о пригодности личности потенциального адаптатора для статуса адаптатора. Например, психиатр в своем заключении указывает, имеются ли у лица психические расстройства, а также включает в него информацию о наличии специальных (психиатрических) противопоказаний, в частности информацию о риске агрессивного и насильственного поведения [см. мнение омбудсмена, стр. 46 тома 2 материалов дела; см. также оценку первоначального воздействия (аннотацию) к проекту правил Кабинета министров № ТА-2164 «Порядок адаптации». Доступна: tar.mk.gov.lv]. Проверяя полученные заключения специалистов и информацию, собранную в ходе изучения семьи потенциального адаптатора, сиротский суд должен, следуя части первой статьи 162 Гражданского закона, в каждом конкретном случае проверить, действительно ли адаптация отвечает наилучшим интересам ребенка, среди прочего посредством

оценки того, не может ли adoptируемый в результате adoptации стать подверженным насилию.

Таким образом, правовые нормы определяют механизм, посредством которого сиротский суд может оценить индивидуальные обстоятельства каждого конкретного случая, чтобы удостовериться в том, что личность лица, ранее судимого за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, не свидетельствует о риске насилия и вытекающей из него угрозе для adoptируемого ребенка. Так, в случае, когда потенциально adoptируемый ребенок уже живет в семье потенциального adoptатора, сиротский суд одновременно может оценить как личность потенциального adoptатора, так и его отношения с ребенком, используя среди прочего также заключения психолога и других специалистов (*см. заявление, стр. 8 тома 1 материалов дела*). При этом возможность индивидуальной оценки также отнюдь не гарантирует лицу право на приобретение статуса adoptатора.

Сиротский суд уже в настоящее время обязан осуществлять обследование семейной жизни, личности потенциального adoptатора и подготовленных медицинскими специалистами документов о нем, а также оценивать, отвечает ли каждая конкретная ситуация наилучшим интересам ребенка. Кроме того, согласно части первой статьи 171 Гражданского закона, adoptацию утверждает суд, который тоже должен удостовериться в том, что adoptация отвечает наилучшим интересам ребенка. Следовательно, возможность оценить, может ли лицо, которое однажды было осуждено за преступное деяние, связанное с насилием или угрозой насилием, стать adoptатором, достигала бы цели – защищать права детей – содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета на том же качественном уровне. Таким образом, предусмотренная частью первой статьи 19 Конвенции о правах ребенка обязанность государства защищать каждого ребенка от насилия выполнялась бы и в том случае, если бы adoptатором ребенка своего супруга могло стать лицо, которое хотя и было ранее осуждено за упомянутое в оспариваемой норме преступное деяние,

но своим отношением, поведением и действиями, в том числе в отношениях с потенциальным adoptируемым, подтвердило, что не создает риска для безопасности adoptируемого.

Из вышеупомянутого вытекает, что цели содержащегося в оспариваемой норме абсолютного запрета на равноценном качественном уровне можно достигнуть альтернативными средствами, а именно – предусмотрев исключения из этого запрета, однако законодатель не взвесил эту возможность. Следовательно, содержащийся в оспариваемой норме абсолютный запрет не соответствует принципу соразмерности.

Таким образом, оспариваемая норма, в той мере, в какой она предусматривает абсолютный запрет в отношении лиц, подающих заявление на adoption ребенка своего супруга, не соответствует статье 110 Конституции.

25. Согласно части третьей статьи 32 Закона о Конституционном суде, правовая норма, которую Конституционный суд признал не соответствующей правовой норме высшей юридической силы, считается недействительной со дня опубликования решения Конституционного суда, если Конституционный суд не постановил иное. Согласно пункту 11 статьи 31 Закона о Конституционном суде, Конституционный суд может в решении указать момент, в который утрачивает силу оспариваемая правовая норма, признанная не соответствующей правовой норме высшей юридической силы.

Из юдикатуры Конституционного суда вытекает, что при рассмотрении дела, возбужденного на основании заявления суда, Конституционный суд всегда должен оценивать, какое влияние его решение окажет на соответствующее административное дело (*см. пункт 7 решения Конституционного суда от 20 июня 2018 года о прекращении судопроизводства по делу № 2017-19-01*). Кроме того, в случае заявления, поданного административным судом, значение среди прочего имеет предмет заявления в конкретном административном деле. Если требование

состоит в издании благоприятного нормативного акта, административный суд будет применять правовые нормы, действующие во время рассмотрения дела в суде (*см., например, пункт 8 решения Департамента по административным делам Сената Верховного суда от 3 февраля 2012 года по делу № SKA-46/2012*).

Административное дело, находящееся на рассмотрении у Заявителя, возбуждено с целью добиться издания благоприятного административного акта (*см. заявление, стр. 8 тома 1 материалов дела*). Однако Заявитель просит признать оспариваемую норму недействительной с момента, когда сиротский суд ее применил к лицу, являющемуся заявителем в находящемся у него на рассмотрении административном деле, то есть с 20 января 2016 года. Признание оспариваемой нормы недействительной с упомянутого момента, по утверждению Заявителя, необходимо для того, чтобы при рассмотрении дела была обеспечена эффективная защита прав детей (*см. заявление, стр. 9 тома 1 материалов дела*).

Конституционный суд уже признал, что при принятии решения о моменте, в который оспариваемая норма (акт) утрачивает силу, необходимо учитывать, что его задача – по возможности устранить ущемление основных прав лиц (*см. пункт 25 решения Конституционного суда от 16 декабря 2005 года по делу № 2005-12-0103 и пункт 22 решения Конституционного суда от 16 апреля 2015 года по делу № 2014-13-01*). Упомянутое заключение Конституционного суда в рассматриваемом деле относится к лицам, которые уже начали защиту своих прав при помощи общих средств правовой защиты и к которым применима оспариваемая норма.

Таким образом, в целях защиты основных прав тех лиц, которые начали защиту своих прав общими средствами правовой защиты, и подлежащих оценке в этих правозащитных процессах наилучших интересов вовлеченных в них детей в отношении этих лиц оспариваемая норма утрачивает силу в момент, когда к ним ее применил сиротский суд. В свою очередь, в отношении других лиц оспариваемая норма утрачивает

силу в момент опубликования решения. Конституционный суд указывает, что в обоих случаях в процессе адаптации как в административном суде, так и в суде общей юрисдикции прямому применению подлежит статья 110 Конституции, а также содержащиеся в настоящем решении выводы и заключения.

Постановляющая часть

На основании пункта 6 части первой статьи 29, а также статей 30–32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд

решил:

1. Прекратить судопроизводство по делу в части о соответствии пункта 1 части четвертой статьи 163 Гражданского закона, в той мере, в какой он предусматривает абсолютный запрет в отношении лиц, подающих заявление на адаптацию ребенка второго супруга, статье 96 Конституции Латвийской Республики.

2. Признать пункт 1 части четвертой статьи 163 Гражданского закона, в той мере, в какой он предусматривает абсолютный запрет в отношении лиц, подающих заявление на адаптацию ребенка второго супруга, не соответствующим статье 110 Конституции Латвийской Республики.

3. В отношении лиц, которые начали защиту своих прав при помощи общих средств правовой защиты, признать пункт 1 части четвертой статьи 163 Гражданского закона, в той мере, в какой он предусматривает абсолютный запрет в отношении лиц, подающих заявление на адаптацию ребенка второго супруга, не соответствующим статье 110 Конституции Латвийской Республики и

недействительным с момента, когда он был применен к этим лицам сиротским судом.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу в день его опубликования.

Председатель судебного заседания

И. Зиемеле